

ДЕНИС БУШЛАТОВ

Тот, кто не спит

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)
Б90

Бушлатов Д.

Б90 Тот, кто не спит / Денис Бушлатов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 406 с.

ISBN 978-5-521-90247-7

В чем отличие хоррора от триллера? Триллер вовлекает читателя в действие, хоррор — пугает!

«Тот, кто не спит» — это точное попадание в жанр хоррора! Сеттинг романа приморский провинциальный городок, в котором самые страшные вещи происходят будто рядом с читателем. Издательства отказывались публиковать роман, замечая, что он «чрезмерно страшный!». Теперь дорогу за тем, кто не спит, может испытать любой храбрый читатель! А права на экранизацию уже проданы компании Наталлы Крапивиной — продюсеру Лободы.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-521-90247-7

© Бушлатов Д. А., 2020
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

— *Я... знаю... тебя...* — Голос демона продолжает звучать, но теперь он слышит его в своей голове и понимает, что голос этот не заглушить больше ничем.

— *Когда-нибудь...* — шепчет демон, — *Тебя призовут... И ты будешь... Служить...*

Эти слова выжжены в стене его памяти, и он понимает, что с годами они не померкнут, но будут отравлять его все сильнее.

Когда-нибудь... Не сейчас, не сегодня и не завтра, но *когда-нибудь...*

В полутемной палате на полу лежит мертвая женщина. Рядом с ней, почти касаясь ее, полусидит, привалившись к стене, совершенно седой мужчина. На левом запястье его алеет круглый шрам.

След поцелуя тьмы.

ПРОЛОГ

Весь мир превратился в звук. Если прислушаться, то звук этот, назойливый, как жужжание мухи, разбивается на кусочки. Крошится, как хлеб. И каждый из этих кусочков режет и режет слух, впивается крошечными коготками в уши и рвет барабанные перепонки.

Вот тихо капает вода на кухне. Должно быть, подтекает кран. А вот жалуются на жизнь батареи парового отопления. В комнате бесконечно тикают старые часы. Впрочем, бесконечность эта кажущаяся. Рано или поздно завод кончится; маятник остановится, и тогда, лишь тогда, она избавится хотя бы от малой части истязавших ее звуков.

И еще скрежет. Что это? Должно быть, кто-то отслаивает обои от стен, далеко-далеко, за тридевять земель. Или, быть может, пилит доску, шкурит вагонку...

Кого она обманывает?

Это ногти. Ее собственные окровавленные, взлохмаченные ногти, раз за разом впивающиеся в истерзанную столешницу и ползущие по ней вверх-вниз. Вверх-вниз.

Ноготь на мизинце, еще несколько дней назад ухоженный и блестящий от лака, теперь больше напоминает сгнивший до корня зуб — по центру змеится черная трещина... странно, что она не ощущает боли, и каждый раз, когда она проводит по дереву, бездумно стараясь расцарапать его до живой сердцевины, трещина ужасающе раскрывается, обнажая розовую плоть.

Круглая рана на запястье продолжает зудеть, и она с наслаждением погружает в нее острые обломки ногтей.

Зуд становится невыносимым, и она чешет, чешет, чувствуя, как поддается рыхлая, сырая плоть.

Должно быть, целую вечность она просидела здесь, в этом продавленном кресле, глядя в стену напротив. Плитка чуть ниже потолка откололась, совсем немного, но и этого было достаточно, чтобы на стене образовалась уродливая серо-черная проплешина, в сгущающихся сумерках кажущаяся глубокой гнилой раной.

Она вздохнула, и звук собственного дыхания показался ей ужасным, как скрип гробовой доски.

Хватит.

Все.

Она нащупала мобильный телефон и, поднеся его к глазам, с некоторым удивлением поняла, что теперь стена и проплешина оказались скрыты от нее. Ничего, осталось недолго. И потом, когда все закончится, она сможет смотреть на стену вечно. Вечно... пока не остановятся часы.

Пальцы сами набрали знакомый номер, оставляя на экране некрасивые пятна цвета паприки и кусочки засохшей крови.

Она поднесла телефон к уху, и мешанина окружающих ее ужасных звуков отошла на задний план, а на ее фоне раздались длинные гудки, подобные завыванию маяка. Боже, что за ужасное, ужасное место — маяк, выросший из гноящегося моря нарост, клык неведомой твари, готовый поглотить весь мир!

Она заплакала беззвучно, не в силах пошевелиться, и в ответ на ее слезы, на молитву, заключенную в этих слезах, гудки прервались.

— Алло. — Голос Андрея показался ей незнакомым, даже враждебным.

Она молчала. Теперь, когда конец был так близок, ее охватил ужас.

— Алло? — повторил голос с вопросительной интонацией. — Оля? Ты где?! Я тебя не слышу!

— Нет! — почти закричала она. Он бросит трубку и не перезвонит, ни в коем случае не перезвонит, а если и перезвонит...

Она не сможет ответить.

— Слушай, Андрей... — Собственный голос показался ей сотканным из тонкой изморози на окнах, из ломких снежинок, из мельчайшей ледяной пыли. Миг, и он растает без следа. Времени было совсем мало, и она постаралась придать последующим словам как можно больше веса, чтобы донести до него...

Чтобы дать ему понять...

Чтобы...

Спасись.

— Андрей... Приезжай, пожалуйста. Сейчас... — И, прежде чем он успел ответить: — Здесь... **убийца.**

Глава первая

ПРОБУЖДЕНИЕ ЗВЕРЯ

*Мама, я устал, я засыпаю,
Дай прилечь с тобою рядом мне;
Ты не будешь плакать? Обещай сначала,
Чтоб слезою щёчки не обжечь моей.*

**Ганс Христиан Андерсен,
«Умиряющее дитя»**

Нина не поняла, каким образом Митьке удалось потеряться. Еще секунду тому назад он был рядом, совсем как послушный песик у ног хозяйки, и крепко цеплялся за ее руку своей крошечной и такой теплой ручкой, и лопотал что-то без умолку, и тянул ее в сторону, а потом... Потом он просто исчез.

Она все еще чувствовала тепло его ладони на своей коже, и ей даже казалось, что она слышит, как он зовет ее, но стоило оглянуться — и морок пропал.

И Митька пропал. Сгинул в ленивом море человеческих тел и прилавков, прилавков, прилавков, на теплой поверхности которых было разложено бледное мясо, упитанные безголовые куры и кролики, так похожие на освеженных детей. Продавцы возвышались над толпой, как буи в океане.

Нина стояла посреди этой человеческой клоаки. Густой дух, исходящий от туш, развешанных на крюках, смешивался с острым запахом специй, окутывал ее ядовитым туманом, лез прямо в рот, лишая возможности говорить.

— Мить... — едва слышно прошептала она и, решившись, закричала: — Митька! Митя!

Несколько голов повернулось к ней, и откуда-то прозвучало хрипло, с акцентом: «Я — Митька!». Раздался приглушенный смех.

— Митенька! — снова закричала она. Толстая женщина с густо измазанными помадой губами, что протискивалась сквозь толпу с тупым, бычьим упорством, остановилась и открыла было рот, чтобы спросить что-то, но внезапно скривилась и прошла мимо Нины, с усилием толкнув ее плечом.

Едва устояв на ногах, Нина снова попыталась разглядеть сыновью белобрысую шевелюру среди человеческого моря, но вместо этого глаз ее упорно натыкался на ужасно тощего рыжего пса, развалившегося у прилавка с говядиной. На отвисшей нижней губе пса устроилась зеленая муха.

Отчего-то именно эта муха, ее изумрудное тело, ее крылья, отражающие позднее солнце, показались Нине совершенно отвратительными знаменами, и она, не переставая звать сына, принялась протискиваться сквозь толпу, усердствуя плечами и не обращая внимания на грубые возгласы за спиной.

Ее преследовал запах преющего на жаре мяса.

Минуту спустя она стояла перед полным, сутулым участковым. Его форменная рубашка была расстегнута чуть ли не до пупа — на груди, заросшей черной лоснящейся шерстью, лежал большой золотой крест из дутого золота. Во рту участкового тускло блестела золотая коронка. Отчего-то он постоянно улыбался, словно Нина рассказывала ему похабные шутки.

— Я вообще не понимаю... Нас... там толпа и он как-то вырвался или его... оттеснили, может быть, — бормотала она, чувствуя себя виноватой школьницей. Участковый блестел золотом и улыбался. От него несло застарелым потом.